

Бѣжаницкое народное училище.

Малое знакомство съ народною школою интеллигентнаго класса, въ большинствѣ получающаго образованіе, минуя народную школу, позволяетъ мнѣ думать, что предлагаемыя вниманію читателей записки о народной школѣ, ученикомъ которой я пробылъ въ теченіе двухъ лѣтъ, представляютъ нѣкоторый интересъ.

Школа, о которой идетъ рѣчь, называется „Бѣжаницкое народное училище“. Находится она въ селѣ Бѣжаницахъ, Новоржевскаго уѣзда, Псковской губерніи. Попалъ я въ это училище случайно, такъ какъ принадлежу къ тому классу общества, который минуетъ народную школу, и мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ я попалъ въ училище, съ цѣлью обратить вниманіе на воспитательную силу школы.

Въ раннемъ дѣтствѣ я отличался необыкновенной дикостью характера и самоволіемъ. Несмотря на всѣ принимаемыя моими родителями мѣры воспитанія и наказанія, включительно до розогъ, невозможно было добиться отъ меня послушанія. Я проводилъ на улицахъ и въ окрестностяхъ Новоржева цѣлые дни, въ обществѣ моихъ товарищей, маленькихъ бродягъ, предаваясь всевозможнымъ по преимуществу злымъ, забавамъ. Безъ спросу я уходилъ изъ дома, возвращался, когда заблагоразсудится, на замѣчанія отвѣчалъ дерзостями. Объ ученіи я и не думалъ. Пробовали меня посылать учиться къ одной барышнѣ, потомъ въ городское училище, но попытки были неудачны. Въ классъ я всегда опаздывалъ, уходилъ изъ училища до окончанія занятій, во время уроковъ занимался разговорами и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на учителей. Въ то время я былъ настолько далекъ отъ сознательнаго мышле-

ніа, что на шкому смотрѣлъ, какъ на мѣсто новыхъ забавъ, безъ всякаго соотношенія съ чѣмъ-либо серьезнымъ. Впрочемъ, я пробылъ въ городскомъ училищѣ очень недолго, всего вѣсколько недѣль: родители, отчаявшись, взяли меня изъ школы той-же осенью, чтобы помѣстить въ БѢжаницкое народное училище, на попеченіе старшаго учителя, Петра Ильича Привалова, нашего знакомаго и хорошаго педагога. Я жилъ у него, но время занятій и свободные часы проводилъ съ моими новыми товарищами,—дѣтьми крестьянъ. Рѣшеніе моихъ родителей вызвало много разговоровъ въ нашемъ, полномъ предрасудковъ, кружкѣ помѣщиковъ и чиновниковъ. Объ этомъ говорили какъ о непозволительномъ униженіи достоинства нашего класса и жестокости по отношенію къ ребенку. Можно ли сажать своего сына „рядомъ съ мужикомъ“. Какъ мало мы знали крестьянъ. Два года провелъ я въ ихъ средѣ, и эти два года—лучшее воспоминаніе моей жизни.

Однимъ хорошимъ, осеннимъ утромъ 1878 года, когда съ безоблачнаго неба солнце свѣтило и грѣло, какъ лѣтомъ, у воротъ нашего дома остановился почтовый тарантасъ. Солидный мужикъ,—ямщикъ Степанъ, слѣзъ съ козелъ, чтобы отворить ворота. Увидавъ это, я бросился къ тарантасу, влѣзъ на козла, схватилъ въ руки возжи и кнутъ и, какъ только ворота отворились, сталъ хлестать лошадей, чтобы лихо прокатиться по двору. Но едва лишь лошади тронулись съ мѣста, какъ я, потерявъ равновѣсіе, упалъ подъ колеса. Сами ли лошади остановились или во-время замѣтилъ Степанъ, только экипажъ не успѣлъ проѣхать по мнѣ, колесо лишь слегка придавило животъ: чтобъ извлечь меня изъ-подъ экипажа, Степанъ долженъ былъ осадить лошадей. Оправившись, я выслушалъ брань Степана и кузарки, а затѣмъ, когда лошади были привязаны, то вновь уже вертѣлся около нихъ, вновь лазилъ въ экипажъ и на козлы, стараясь натягать изъ лошадиныхъ хвостовъ волосъ на ласы и на силки для голубей и развлекался такъ до тѣхъ поръ, пока не представилась новая забава въ укладкѣ моихъ вещей. Прекрасно помню, что я не отдавалъ себѣ отчета, зачѣмъ грузится экипажъ моими вещами. Когда я, наконецъ, сѣлъ въ тарантасъ рядомъ со Степаномъ и мы выѣхали со двора, то, поглощенный весь удовольствіемъ минуты, я былъ очень далекъ отъ мысли о БѢжаницахъ, училищѣ и Приваловѣ.

Случайно или умышленно отецъ и мать отсутствовали. Если мнѣ раньше и говорили что-нибудь о БѢженицахъ, я объ этомъ теперь не вспомнилъ и только дорогою узналъ отъ Степана объ ожидающей меня судьбѣ.

Былъ храмовой праздникъ, когда мы въѣхали въ село. Един-

ственная улица была наполнена народомъ въ праздничныхъ костюмахъ. Проѣхавъ мимо церкви, площадь передъ которой была заставлена телѣгами и балаганами, мы остановились передъ крыльцомъ двухъ-этажнаго дома, подъ вывѣской „Бѣжаницкое народное училище“. Петръ Ильичъ Приваловъ встрѣтилъ меня, распорядился о размѣщеніи моихъ вещей, велѣлъ мнѣ раздѣться и оставаться въ назначенномъ для меня помѣщеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ за мною. Утомленный дорогою (Бѣжаницы расположены въ 36 верстахъ отъ Новоржева), полный новыхъ впечатлѣній и инстинктивнаго сознанія большого значенія для меня настоящаго дня, я застылъ въ безучастной позѣ передъ окномъ, смотря на полную народомъ улицу, и машинально обрывая мелкіе листочки стоявшаго на окнѣ какого-то растеньица. Вѣроятно, много больше часа прошло прежде, чѣмъ ко мнѣ вернулась способность дѣйствовать. Я взялъ шапку, чтобы идти на улицу, но въ дверяхъ столкнулся съ Петромъ Ильичемъ.

— „Ты куда?“ спросилъ онъ.

— „На улицу“.

— „Мнѣ сейчасъ некогда съ тобою идти, а потому положи шапку на мѣсто. Когда я освобожусь, то пойдемъ вмѣстѣ“. И замѣтивъ порчу мною цвѣтка,—сказалъ: „а вотъ это, Леша, очень не хорошо и на будущее время подобнаго не дѣлай; да и вообще не касайся вещей, тебѣ не принадлежащихъ“.

Первый разъ въ моей жизни я безпрекословно исполнилъ приказаніе, безмолвно выслушалъ замѣчаніе и принялъ его къ свѣдѣнію.—Этотъ маленькій эпизодъ навсегда установилъ наши отношенія, сразу отнявъ у меня рѣшимость своеволия. Въ теченіе всего проведеннаго въ училищѣ времени, я ни одного разу не только не пошелъ въ разрѣзъ съ его волею, но даже такого желанія во мнѣ не появлялось. Съ перваго же дня Приваловъ пріобрѣлъ мое полное довѣріе, сдѣлавшись для меня образцомъ подражанія. Я былъ перевоспитанъ очень быстро. Помогло ему въ этомъ, разумѣется, то обстоятельство, что я былъ совершенно одинокъ и изолированъ отъ привычной обстановки, но, главнымъ образомъ, здѣсь играли роль выдающіяся педагогическія способности Привалова. Онъ сумѣлъ добиться у меня сознанія въ необходимости исправленія и, такимъ образомъ, меня самого сдѣлалъ своимъ союзникомъ въ моемъ же воспитаніи. Скоро я сталъ его спрашивать: „исправляюсь ли я“? Его замѣчанія никогда не носили обидной формы, но въ то же время выражались категорически. Дѣлались замѣчанія лишь въ такихъ случаяхъ и въ такихъ выраженіяхъ, что выслушивающій замѣчаніе самъ признавалъ свою вину. Незачѣмъ, я думаю, говорить, что

Петръ Ильичъ никогда не возвышалъ голоса. За два года пребыванія въ училищѣ я ни разу не подмѣтилъ нотки раздраженія. Зато нерѣдко онъ заливался откровеннымъ, заразительнымъ смѣхомъ.

Новоржевскій уроженецъ, 17-ти лѣтъ онъ окончилъ земскую учительскую семинарію въ Псковѣ, и уже 10 лѣтъ учительствовалъ въ Бѣжаницахъ. Скромное званіе, ничтожное жалованье (20 рублей въ мѣсяць) не помѣшали ему войти въ кругъ городской интеллигенціи, а его воспитанность, развитіе и музыкальность (онъ игралъ на скрипкѣ) открыли предъ нимъ двери аристократическаго семейства Ф...., имѣніе котораго, „Богдановское“, находилось въ 2 верстахъ отъ Бѣжаницъ, и тамъ онъ былъ принятъ, какъ близкій знакомый. Создалъ онъ себѣ положеніе самъ и даже выучился играть на скрипкѣ почти самоучкой. Шатенъ, средняго роста, съ большими задумчивыми глазами, всегда корректный, съ гордо откинутою головою, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка серьезнаго, обладающаго чувствомъ собственнаго достоинства. Мать часто приводила намъ его въ примѣръ различныхъ добродѣтелей, но въ особенности—аккуратности, умѣнью сохранять долгое время въ хорошемъ видѣ костюмы и умѣнью жить на 20 рублей. Кромѣ жалованья Петръ Ильичъ имѣлъ еще квартиру. Помѣщалась она въ самомъ зданіи училища и состояла изъ одной комнаты, отдѣлявшейся перегородками отъ прихожей, въ которой помѣщался я, и отъ другой небольшой комнатки, въ которой жилъ второй учитель, Федоръ Авдѣевичъ Авдѣевъ. Перегородки были такъ тонки, что малѣйшее движеніе каждаго изъ насъ было слышно двумъ остальнымъ. Это въ особенности было неприятно Авдѣеву, любившему пѣть, свистать, ходить изъ угла въ уголь, чего онъ не могъ, однако, дѣлать, дабы не мѣшать Петру Ильичу, проводившему вечера за исправленіемъ тетрадей, чтеніемъ и подготовкой къ экзамену на учителя приготовительнаго класса гимназій. Черезъ сѣни, въ томъ же нижнемъ этажѣ зданія, была ученическая спальня, а верхъ былъ отведенъ подъ классы. Зданіе было хорошо выстроено, теплое, сухое и свѣтлое. На училищномъ дворѣ былъ еще одноэтажный флигель, въ которомъ готовили уроки, обѣдали и спали тѣ ученики, которымъ не хватало мѣста внизу и гдѣ жилъ сторожъ. Въ мое время во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ училища было около 100 учениковъ. Одна четверть ихъ, изъ ближайшихъ деревень, уходила вечеромъ домой, а остальные ночевали въ училищѣ. 15 или 20 было дѣвочекъ. День онѣ проводили вмѣстѣ съ мальчиками, ночевали же на верху, въ помѣщеніи перваго отдѣленія, на полу и скамейкахъ. Ученики спали на нарахъ, на которыя стлали зипуны и полушубки. Подушки были не у всѣхъ, а покрытый бѣлымъ сѣнникъ, подушка

съ перемѣняющейся наволочкой и одѣяло лишь у одного, — сына дьячка. Сверхъ того, только одинъ носилъ сапоги, остальные ходили въ лаптяхъ.

Довольствовались ученики изъ общаго котла. Ежедневно варилося одно блюдо—пустыя щи. Капуста доставлялась, на сколько помню, земствомъ, а все остальное, какъ-то: сало, толокно, хлѣбъ, соль, картофель—ученики привозили изъ дома. Главную пищу учениковъ, какъ и всѣхъ крестьянъ, составлялъ хлѣбъ. Чай до сихъ поръ еще лакомство для крестьянъ, а потому его и не было въ училищѣ.

Внутренній порядокъ школы соблюдался строго. Утромъ сторожъ будилъ за часъ до начала занятій. Дежурные мели комнаты, по звонку шли въ классы, въ опредѣленный часъ кончали занятія передъ обѣдомъ, и послѣ обѣда (обѣдали въ 12 часовъ), спать шли въ 9, и всѣ сразу, а днемъ въ спальнѣ собираться не разрѣшалось. Печи топилъ сторожъ, но воду привозили въ бочкѣ съ рѣчки сами ученики, на себѣ. Ѣздить „по воду“ составляло для насъ развлеченіе, въ которомъ принимала участіе цѣлая толпа учениковъ. Всѣ помѣщенія содержались въ образцовой чистотѣ.

Возрастъ учениковъ былъ самый разнообразный, отъ 7 до 19 лѣтъ, по сословію всѣ были крестьяне, кромѣ меня и сына дьячка. Училище было снабжено достаточнымъ количествомъ учебниковъ и книгами для чтенія. Было порядочное количество стѣнныхъ таблицъ по зоологій и ботаникѣ, была разъемная модель человѣка; географическія карты, глобусъ, микроскопъ, волшебный фонарь. Бумагу, карандаши, грифеля и перья ученики должны были сами приобрѣтати. Покупали они ихъ здѣсь же, въ училищѣ, отъ Петра Ильича, который получалъ эти припасы отъ земства и долженъ былъ продавать по опредѣленной цѣнѣ. Учебники, кажется, тоже большинство приобрѣтало въ собственность.

Балловъ вовсе не ставилось. Экзаменъ былъ только при выпускѣ. Онъ обставлялся торжественно, происходилъ въ присутствіи члена земской управы; лучшимъ раздавались книги. На второй годъ почти никогда не оставляли.

Училище состояло изъ трехъ отдѣленій. Съ младшимъ занимался Федоръ Авдѣевичъ, а съ двумя старшими, помѣщавшимися въ одной комнатѣ, Петръ Ильичъ. Подъ руководствомъ Петра Ильича дѣло преподаванія было поставлено образцово. Мы не только проходили грамоту, но попутно приобрѣтали массу свѣдѣній изъ различныхъ наукъ, въ особенности по зоологій и ботаникѣ. Такія слова, какъ завязь, пестикъ, тычинка, двудомные, корневище и проч., были намъ великолѣпно извѣстны. Сообщеніе этихъ свѣдѣній начиналось, можно сказать, ранѣе, чѣмъ грамота.

Кстати, я здѣсь расскажу о маленькомъ эпизодѣ, случившемся на одномъ изъ первыхъ уроковъ. Ѳедоръ Авдѣевичъ ставитъ на доску букву О изъ составной азбуки, затѣмъ, придвигая, къ ней букву С, тянетъ вмѣстѣ съ нами ооо...ссс... потомъ двигаетъ еще а, и такимъ образомъ получается ооо...ссс...ааа... „оса“. Послѣ этого Ѳедоръ Авдѣевичъ достаетъ изъ папки таблицу, на которой красками изображена, въ увеличенномъ размѣрѣ, оса, и даетъ намъ урокъ истественной исторіи. Путемъ отвѣтовъ учениковъ на задаваемые вопросы мы узнаемъ, что оса „насъкомое“, узнаемъ, что такое насъкомое, чѣмъ оса питается, какъ живетъ, какія гнѣзда строить, узнаемъ, что ея тѣло состоитъ изъ головы, груди, брюшка и конечностей.

— „А не знаетъ ли кто, что у осы вотъ здѣсь?“ спрашиваетъ Ѳедоръ Авдѣевичъ, показывая указкой, „вотъ это; видите? на самомъ концѣ брюшка“.—Поднимается нѣсколько рукъ.—„Ну, Денисъ, скажи“, говоритъ Ѳедоръ Авдѣевичъ. Денисъ, 12 лѣтній, бѣлобрысый, робкій мальчикъ съ моргающими глазками, встаетъ и пренаивно отвѣчаетъ „....“. Я засмѣялся, но большинство даже не улыбнулось столь обыденному слову для нихъ. Ѳедоръ Авдѣевичъ машетъ рукой,—„садись“, „скажетъ тоже“, и объясняетъ намъ самъ, что такое жало. Урокъ продолжается, какъ вдругъ сконфуженный и огорченный неудачей, Денисъ начинаетъ всхлипывать, и слезы текутъ по его блѣднымъ щекамъ, Ѳедоръ Авдѣевичъ прерываетъ объясненіе, говоритъ Денису нѣсколько ободряющихъ словъ и посылаетъ его напиться воды. Инцидентъ исчерпанъ. Этотъ случай былъ моимъ первымъ знакомствомъ съ Денисомъ, скоро мы стали пріятелями, сѣли рядомъ и провели такъ двѣ зимы.

Училищный день проходилъ приблизительно такъ:

Въ восьмомъ часу утра раздавалось восклицаніе Петра Ильича: „Леша, просыпайся, пора вставать“. Но я уже проснулся и слушалъ, какъ Петръ Ильичъ плескается въ рукомойникѣ. Не съ особенной охотой вылѣзаю я изъ-подъ своего теплаго одѣяла. Входитъ Петръ Ильичъ съ полотенцемъ въ рукахъ. „Ну что, какъ спалъ?“ спрашиваетъ онъ. Сторожъ приноситъ самоваръ. День вступаетъ въ свои права. Я застилаю кровать, моюсь, долго и тщательно вытираюсь, подражая въ этомъ своему наставнику, и иду пить чай. Общее чаепитіе, во время котораго Ѳедоръ Авдѣевичъ зѣваетъ и еще только приходитъ въ себя, скоро кончается и, ровно въ 8 ч., мы идемъ въ классы. Тамъ уже всѣ на мѣстахъ; кто читаетъ, кто пишетъ, но безъ дѣла не остается никто. Нѣтъ той возни, той суеты и шума, какіе царятъ въ средне-учебномъ

заведеніи передъ приходомъ учителя. Крестьянскія дѣти, вообще, гораздо спокойнѣе горожанъ; нѣтъ въ нихъ беззаботности, ибо съ ранняго дѣтства они привыкають смотрѣть на себя какъ на работника семьи. Серьезно они смотрятъ и на школу, которую огромное большинство посѣщаютъ, несмотря на наносимый этимъ ущербъ семьѣ. Лѣнтяевъ въ школѣ не было, наоборотъ, глубокое проникновеніе убѣжденіемъ „ученье—свѣтъ, неученье—тьма“ держало учениковъ въ вѣчно напряженномъ стремленіи къ знанію. Здѣсь не надо было побуждать заниматься. Какая полная тишина царяла въ ихъ флигелѣ по вечерамъ, когда ученики готовили уроки. Усиліемъ и трудомъ здѣсь въ теченіе 3 лѣтъ пріобрѣталось столько знаній, сколько при системѣ средней школы и въ 5 лѣтъ было бы не усвоить.

Въ классѣ я занялъ свое мѣсто на третьей скамейкѣ, между 10 лѣтней дѣвочкой Пелагеей и ея братомъ Денисомъ. Двѣ первыя скамьи были заняты исключительно дѣвочками. Всѣ онѣ повязаны платками и одѣты либо въ сарафаны, либо въ ситцевыя платья; мальчики въ полосатыхъ домотканыхъ рубахахъ. Впереди меня сидятъ рядомъ дочери управляющаго сосѣднимъ имѣніемъ; старшей изъ нихъ лѣтъ 16. Во время перемѣнъ она часто оборачивается ко мнѣ для разговоровъ, немного жеманится и, очевидно, конфузясь своей безграмотности, не рѣдко упоминаетъ о той болѣзни, которая помѣшала ей во-время выучиться читать. Когда Федоръ Авдѣевичъ задаетъ намъ общій вопросъ, она любитъ отвѣтить на него раньше всѣхъ, и тогда въ ея глазахъ блеститъ скрытая гордость превосходства. Какъ теперь я понимаю, она была довольно хвастлива и потому любила говорить о семьѣ, лошадяхъ, о различныхъ вещахъ ихъ домашней обстановки, о какомъ-то комодѣ, о серебряныхъ ложкахъ и т. п. Въ общемъ же главною темою разговоровъ въ классѣ было наше ученье. Каждая прочитанная фраза, каждый маленькій рассказикъ вызывали живой обмѣнъ мыслей.

Въ 12 часовъ начиналась большая перемѣна, во время которой ученики обѣдали. Придя послѣ обѣда въ классъ, я нашелъ уже тамъ Дениса. Обернувшись къ сидѣвшему за нимъ сыну дьячка, онъ пересматривалъ, собранную нами общими силами, коллекцію куколокъ. Всевозможнаго цвѣта и всевозможныхъ величинъ онѣ находились въ разныхъ стадіяхъ зрѣлости. Нѣкоторыя были почти готовы выпустить изъ себя бабочку, другія только сегодня перестали шевелить хвостами, третьи еще не обнаруживали происходящаго внутри ихъ процесса. Ежедневно мы вытягивали куколокъ на свѣтъ, выкладывали подъ дѣйствіе солнечныхъ лучей и производили различныя наблюденія. Сколько удовольствія доставляли

намъ торжественныя минуты выхода изъ скорлупы бабочки. Тутъ отличался обыкновенно сынъ дьячка, который умѣлъ помочь бабочкѣ выйти на Божій свѣтъ. Онъ былъ такъ методиченъ и аккуратенъ во всемъ. Какъ онъ берегъ свои вещи, какъ чистенько былъ всегда одѣтъ, съ какой заботой выводилъ буквы на страницахъ своей безукоризненной тетради. У него, у единственнаго, была маленькая коллекція перьевъ, былъ перочинный ножичекъ, былъ пеналъ и много еще подобныхъ рѣдкостей. Вдругъ въ классъ вбѣгаетъ ученикъ 3 отдѣленія Архипъ и громко объявляетъ: „братцы, бѣгите смотрѣть, къ Макарову (купецъ) привезли 2 волковъ битыхъ; вотъ громадные“, но замѣтивъ, что Петръ Ильичъ уже въ классъ, онъ конфузится своего восторга и нѣсколько теряется. Петръ Ильичъ, какъ и всѣ, улыбается и собирается ему что-то сказать, но тутъ отворяется дверь и въ классъ входитъ самъ охотникъ, застрѣлившій волковъ, высокій, здоровый и красивый молодой крестьянинъ, лѣтъ 25, въ хорошемъ, дубленомъ тулупѣ, бывший ученикъ Петра Ильича. „А, Фадѣй, здравствуй! какими судьбами ты здѣсь?“ спрашиваетъ Петръ Ильичъ. „Здравствуйте, Петръ Ильичъ. Да вотъ привезъ волковъ продавать и завернулъ васъ провѣдать, да кстати и бумаги купить“. Петръ Ильичъ знаетъ его родню, расспрашиваетъ о его домашнихъ и о томъ, что онъ дѣлаетъ. Любовь къ Петру Ильичу и удовольствіе его видѣть читается на мужественномъ лицѣ Фадѣя.

Бывшіе ученики часто посѣщали Петра Ильича и не только ради удовольствія, но также за совѣтами. Одно время за утѣшеніемъ и разрѣшеніемъ сомнѣній ходилъ къ нему Андрей, 19 лѣтній парень, кончившій школу за годъ до моего поступленія. Андрей обладалъ большими способностями. Поступивъ совершенно безграмотнымъ, въ видѣ исключенія былъ переведенъ изъ I отдѣленія въ III, окончивъ такимъ образомъ школу въ 2 года. Это былъ худощавый блондинъ, съ блестящими голубыми глазами и съ печатью скорби на блѣдномъ, интеллигентномъ лицѣ. Отсутствіе средствъ и необходимость обрабатывать свой клочекъ земли ради пропитанія матери (отца и братьевъ у него не было) не позволяли ему думать о дальнѣйшемъ образованіи. Жажду знаній онъ утолялъ чтеніемъ, обративъ работу мысли на исканіе истины въ религіозномъ смыслѣ. Страніе постигнуть тайны апокалипсиса повліяло на психику, онъ сталъ задумываться, видѣть странные сны и даже галлюцинировать. Помню, однажды онъ рассказывалъ Петру Ильичу свой сонъ. Онъ видѣлъ, что стоялъ на берегу какого-то озера, вдругъ появляется человекъ, подходитъ къ нему и кладетъ ему на лобъ печать, говоря: „вотъ печать антихриста“. Петръ Ильичъ подолгу говорилъ

съ нимъ наединѣ, но какой это имѣло результатъ, не знаю, такъ какъ я потерялъ его изъ вида.

Въ 3 часа кончились классы. Былъ теплый солнечный, осенній день. Петръ Ильичъ предложилъ желающимъ пройтись съ нимъ въ Богдановское. Охотниковъ и охотницъ нашлось много. Окруживъ Петра Ильича, мы гурьбой двинулись по селу. Злобой дня былъ случившійся ночью пожаръ въ сосѣдней съ Бѣжаницами деревнѣ. Лѣтъ 20 тому назадъ, лучина въ Псковской губерніи не была вытѣснена керосиномъ. Осенью съ нею мяти и трепали ленъ, — удивительно, что осень становилась сезономъ пожаровъ.

Богдановское отстояло отъ Бѣжаницъ на 2 версты и соединялось съ нимъ березовою аллеей. Когда мы прошли полдороги, Петръ Ильичъ устроилъ игру въ горѣлки, и самъ принималъ въ ней живое участіе. Уже солнце стояло очень низко, когда мы вошли въ усадьбу Богдановскаго. Это было старое гнѣздо большого барина, гдѣ не было конца затѣямъ разнымъ, и всѣ эти затѣи содержались въ образцовомъ порядкѣ. Впослѣдствіи я къ нимъ присмотрѣлся, но вначалѣ они производили на меня сильное впечатлѣніе. Первой затѣей я счелъ крышу дома изъ разноцвѣтной черепицы, ярко горѣвшей въ лучахъ заходящаго солнца. Главная прелесть Богдановскаго заключалась въ паркѣ, тянувшемся версты на двѣ въ длину и на столько же въ ширину. Прорѣзанный дорожками, аллеями, большими прудами разнообразной формы съ проточками и перекинутыми черезъ нихъ причудливыми мостиками, онъ дѣйствительно былъ великолѣпенъ. Въ паркѣ росли всевозможныя деревья, были устроены горки, красивые павильоны, рощицы и полянки, бесѣдки, цвѣтники, искусственное эхо, пещера, шедшая въ глубь горы на сотню сажень. Мѣстами была устроена искусственная чаща, черезъ которую было не продраться; березки стояли рядомъ съ пихтой или кедромъ; искусно подстриженная аллея елокъ ввела меня въ заблужденіе: я только съ разстоянія 10—15 шаговъ догадался, что вижу деревья, а не стоги зеленаго сѣна. Этотъ великолѣпный паркъ, теперь объятый спокойнымъ сномъ, наполнялся весною жизнью и звуками. Стрекотали кузнечики, пѣли птицы, носились бабочки и стрекозы, въ прудахъ играли рыбы, на деревьяхъ прыгали рѣзвыя бѣлки, а по вечерамъ въ густыхъ вѣтвяхъ заливались соловьи. Владѣлецъ имѣнія проводилъ въ немъ только лѣто; ни весной, ни осенью ничто насъ не стѣсняло въ предоставленномъ школѣ правѣ посѣщать, когда угодно, этотъ чудный паркъ. Какъ пріятно бывало сидѣть на какой-нибудь горкѣ, подъ столѣтними соснами, и слѣдить за движеніями бѣлки, слушать перебой соловьевъ и вести мирныя бесѣды съ моими товарищами. Здѣсь мы чаще всего говорили о

крѣпостномъ правѣ. Всѣ эти пруды, всѣ эти барскія затѣи орошены были потомъ и кровью ихъ отцовъ, и соединены были съ легендами о вынесенныхъ тѣми мукахъ. Такимъ образомъ, какъ памятникъ отшедшаго въ вѣчность рабства, этотъ паркъ имѣлъ для моихъ товарищей особое значеніе. Память о крѣпостномъ правѣ тогда еще была жива въ населеніи, и Царь Освободитель еще жилъ; пѣсня „Ахъ ты, воля моя, воля“ пѣлась съ особымъ чувствомъ. Долго мы гуляли по парку, или вѣриѣ по дорожкамъ парка; Петръ Ильичъ насъ предупредилъ не ходить между деревьями, чтобы чего-нибудь не испортить, но я думаю, что и безъ этого предупрежденія ничего не было бы сломано и попорчено. Сколько разъ я бывалъ въ Богдановскомъ, но не помню, чтобы кто-нибудь позволилъ себѣ отломить хотя бы вѣтку. Въ уваженіи къ порядку, въ уваженіи къ неприкосновенности чужой собственности, въ деликатности, мои товарищи стояли неизмѣримо выше учениковъ средней школы, нравы которой и нынѣ не далеко ушли отъ нравовъ бурсы.

По контрасту мнѣ вспомнилось вотъ о чемъ: въ 1898 году я, будучи проѣздомъ въ Сянгапурѣ, зашелъ въ извѣстный на востокѣ ботаническій садъ. При входѣ въ садъ, и внутри его, при входѣ въ оранжерею, висятъ объявленія на русскомъ языкѣ (и только на одномъ русскомъ), предупреждающія о томъ, что рвать цвѣты и плоды воспрещается подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Пассажиры III-го класса парохода ничего не тронули, а мои спутники по I классу возвратились изъ сада съ цвѣтами, вѣтвями и плодами, сорванными по ихъ словамъ „на зло англичанамъ, осмѣлившимся имѣть столь дурное мнѣніе о русскихъ“. Неудивительно, что одно время входъ въ этотъ садъ русскимъ былъ совершенно закрытъ; только послѣ хлопотъ консула, это распоряженіе было отмѣнено.

Вышли мы изъ Богдановскаго уже въ глубокихъ сумеркахъ и на обратномъ пути пѣли. Пѣніе въ училищѣ процвѣтало. Въ зимніе вечера оно устраивалось во флигелѣ, а весной и осенью во время прогулокъ, или же на крыльцѣ школы. Часто возвращаясь домой съ послѣобѣденной прогулки, если я ее совершалъ безъ Петра Ильича, я находилъ на крыльцѣ уже большое общество учениковъ и ученицъ, окружающихъ или Петра Ильича, или Ѳедора Авдѣевича, или обоихъ вмѣстѣ, и поющихъ хоромъ. Репертуаръ былъ довольно большой и пестрый, но нынѣ я помню слова и мотивы лишь слѣдующихъ пѣсенъ:

Ахъ, ты воля, моя воля.

Птичка надъ моимъ окошкомъ.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Въ темномъ лѣсѣ.

Какъ поѣхали два брата.

Нива, моя нива.

Ахъ, попалась птичка, стой.

Запѣвалъ большею частью Федоръ Авдѣевичъ, обладавшій звучнымъ и пріятнымъ теноромъ. Иногда онъ и одинъ пѣлъ какой-нибудь романсъ... Помню красивую музыкальную фразу, на такія дѣтскія слова: „въ гнѣздѣ воробушекъ живетъ, утромъ рано встаетъ: чирикъ, чикъ-чикъ, чирикъ, чикъ-чикъ, чикъ, чикъ, чикъ, чикъ, чикъ, чикъ“.

Пѣть мы любили, и какую-нибудь „Птичку подъ моимъ окошкомъ“ 18 лѣтніе парни и дѣвушки распѣвали съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и 8—9 лѣтнія дѣти. Пѣли мы стройно, на разные голоса, заучивая партіи другъ отъ друга. Пѣнія въ видѣ занятія не существовало. Только пѣнію нѣсколькихъ молитвъ мы обучались Петромъ Ильичемъ, который иногда собиралъ насъ для этого въ свой классъ и разстанавливалъ по голосамъ. Изрѣдка эти молитвы мы пѣли хоромъ въ церкви.

Посѣщать церковь не было обязательнымъ, но мы по собственному желанію ходили въ церковь часто и любили ее. Впослѣдствіи, въ кадетскомъ корпусѣ, я обязанъ былъ ходить въ церковь каждый праздникъ и канунъ праздника, и, несмотря на глубокую набожность, любовь къ церкви поэтому быстро прошла.

Въ школѣ же все касающееся церкви для насъ было мило. Любили мы церковно-славянскій языкъ и церковно-славянскую печать. Уроки Закона Божьяго тоже составляли для насъ одно изъ большихъ удовольствій.

Преподавалъ Законъ Божій настоятель церкви, глубокой старикъ отецъ Николай. Онъ, также какъ и учитель, никогда не кричалъ, никогда не сердился, а тихо и спокойно излагалъ намъ „правило вѣры“ въ „образѣ кротости“. Въ противоположность средней школѣ вызовъ для отвѣта считался нами праздникомъ. Ученье не было мученьемъ, оно каждому изъ насъ представляется самымъ свѣтлымъ временемъ въ жизни, рядомъ удовольствій. Сколько наслажденія доставляли даже простые успѣхи въ чтеніи, а затѣмъ географія, исторія, зоологія, ботаника, первыя свѣдѣнія изъ астрономіи, съ какимъ восторгомъ разсматривали мы въ микроскопъ волосъ, листокъ, чесоточнаго паразита, каплю воды, каплю крови и т. п., а съ какимъ захватывающимъ интересомъ слѣдили за рассказомъ Петра Ильича о строеніи человѣческаго тѣла, демонстрируемаго на разборной модели. Какъ намъ нравились естественно-историческія статейки о жизни животныхъ, птицъ, высшихъ насѣкомыхъ...

Какая громадная работа совершалась въ такой скромной по виду лабораторіи по обработкѣ человѣческихъ мозговъ. Школа не ограничивалась наученіемъ механизму чтенія, письма и ариметики. Она попутно съ этимъ давала полное первоначальное знаніе міра Божьяго. Курсъ ея былъ вполне законченный кругъ опредѣленныхъ рамокъ образованія.

Оканчивавшіе училище обладали достаточными знаніями, чтобы сознательно относиться къ совершающемуся въ природѣ и жизни. Они не только умѣли читать, но умѣли прочитанное понять, рассказать и изложить на бумагѣ. Умѣли написать дѣльное, обстоятельное письмо, безъ пересыпанья его нескончаемыми поклонами. Имѣли отчетливое представленіе о географическомъ положеніи своей родной деревни, объ относительной величинѣ Россіи, о ея населеніи, о другихъ странахъ, о моряхъ и рѣкахъ и, не видя никогда желѣзной дороги и парохода, знали, что это такое, и какая сила заключается въ парѣ. Они имѣли хорошее понятіе о всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ Русской исторіи, о Владимірѣ, Ярославѣ, татарахъ, объ Іоаннахъ, о Смутномъ времени, о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, о 12 годѣ, о суровомъ Николаѣ и о Царѣ Освободителѣ. „То мореплаватель, то плотникъ“, Петръ Великій, былъ предметомъ постояннаго восхищенія, также какъ его современникъ Ломоносовъ. Я думаю, что не одно сердце билось гордымъ сознаніемъ этого великаго мужа къ крестьянской средѣ. Ломоносовъ нами относился къ разряду ученыхъ и писателей,—двѣ категоріи людей, особенно нами чтимыхъ. Про нихъ такъ много говорили наши учителя, что Крыловъ, Пушкинъ, Никитинъ, Кольцовъ, Гоголь, Тургеневъ и въ особенности Некрасовъ стали намъ хорошо извѣстны. Хотя немного стиховъ Некрасова мы читали, но все-таки были проникнуты глубокимъ благоговѣніемъ къ имени этого печальника за обездоленный крестьянскій людъ. Мой пріятель Денисъ по окончаніи школы сталъ именовать себя Некрасовымъ (до тѣхъ поръ у него фамиліи не было) „въ честь нашего великаго писателя и заступника за крестьянъ“,—какъ онъ мнѣ сообщилъ объ этомъ въ письмѣ.

Я уже говорилъ, что по зоологіи и ботаникѣ въ училищѣ давалось много свѣдѣній, включительно до проникновенія посредствомъ микроскопа въ царство инфузорій. Сущность явленія грома, дождя, снѣга, росы, вѣтра, сущность дыханія и горѣнія были хорошо усвоены. Какой громаднѣйшій трудъ долженъ быть затраченъ, чтобы въ теченіе 3 зимъ снабдить такимъ запасомъ свѣдѣній. Если бы всѣ свѣдѣнія изложить печатно, получилось бы нѣсколько томовъ.

Усвоеніе этихъ знаній только и можно объяснить тѣснымъ общеніемъ учителей съ учениками, тѣмъ, что учителя проводили среди учениковъ

цѣлые дни, вливали знанія,—развивали,—путемъ бесѣдъ. Гуляя съ учениками, заходя по вечерамъ въ ихъ флигель, учителя незамѣтно для учениковъ просвѣщали ихъ. Нескончаемая бесѣды велись на темы о явленіяхъ и красотахъ природы, о суевѣріяхъ и предрасудкахъ, о жизни животныхъ, о чужихъ странахъ и другихъ народахъ, о фабрикахъ и заводахъ, о воздухѣ, объ ископаемыхъ, о медицинѣ и гигиенѣ, о былой жизни русскаго народа и царства, о крѣпостномъ правѣ, о наукахъ и писателяхъ и т. п. Говорили и о злобахъ мѣстной жизни и о мѣстныхъ интересахъ. Это тѣсное общеніе, эти бесѣды имѣли, кромѣ образовательнаго, еще воспитательное значеніе. Школа не только питала умъ, она питала душу и вселяла въ ученикахъ отвращеніе ко всему нравственно грязному. Я засталъ школу уже въ томъ періодѣ, когда она имѣла свои традиціи, строго установленные нравственные принципы, которые исключали возможность малѣйшаго отступленія отъ нихъ. И какая это была высоконравственная школа. Среди учениковъ не было ни воровства, ни дракъ, ни даже ругани, ни другихъ пороковъ. Дѣвочки цѣлый день проводили вмѣстѣ съ мальчиками на полной свободѣ, но и намека не было на опасность такой близости. Въ самой тѣсной связи съ учениками провелъ я два года, получивъ, мѣсяца черезъ два пребыванія у Привалова, разрѣшеніе ходить, когда и куда мнѣ угодно, и проводить съ учениками все свободное время, и я не слышалъ ни одного циничнаго слова. Единственный разъ, помню, одинъ мальчикъ обругалъ свою сестру „паршивымъ чортомъ“, изъ чего вышла цѣлая исторія.

Приваловъ съумѣлъ такъ поставить дѣло, что и по выходѣ изъ нея ученики не прерывали связи съ нимъ, руководствуясь въ дальнѣйшей жизни его наставленіями, заботясь о реномѣ училища, боясь отклониться отъ трудовой, честной жизни изъ стыда предъ Петромъ Ильичемъ. Любовь и уваженіе его бывшихъ учениковъ и примѣръ собственной скромной жизни (онъ не игралъ въ карты, не пилъ, даже не курилъ), высокая интеллигентность, отзывчивость и тактичность сдѣлали его авторитетомъ въ училищномъ районѣ.

Въ сравненіи съ этой школой средне-учебныя заведенія почти нельзя называть воспитательными; всякій выходитъ изъ средне-учебнаго заведенія болѣе развращеннымъ, чѣмъ въ него поступилъ. Одна рѣчь учениковъ, обыденно пересыпанная циничными словами, чего стоить.

Бѣжаницкое народное училище было истинно воспитательнымъ заведеніемъ, выработывавшимъ изъ своихъ питомцевъ честныхъ и преданныхъ родицѣ гражданъ. Только при той свободѣ, сердечности и разумности, какая была въ Бѣжаницкой школѣ, и при условіи вы-

сокой нравственности самихъ учителей, возможно выработать изъ учениковъ такихъ гражданъ, какіе родинѣ нужны.

Въ 1880 году я оставилъ училище, никогда тамъ съ тѣхъ поръ не былъ и лишь нѣкоторое время узнавалъ о немъ изъ писемъ Дениса. Крупными буквами и съ большими грамматическими ошибками онъ сообщалъ мнѣ новости о Бѣжаницахъ, о своей трудовой жизни на скудномъ надѣлѣ и неизмѣнно слалъ благословенія нашей школѣ.

Петръ Ильичъ въ слѣдующемъ 1881 году былъ переведенъ на лучшее мѣсто въ Петербургъ.

И.

